

— Перед Сталиным я выступил только один раз, в 1951 году. И представлен ему не был. Он сидел в ложе, следил за моим выступлением внимательно, хлопал. После концерта мне сказали: "Ему понравилось". И все. Правда, можно предположить, что после этого концерта к моему творчеству внимательно отнеслись в Министерстве культуры — спустя короткое время мне было присвоено звание заслуженного артиста Армянской ССР.

— Но ведь вы работали в Москонцерте?

— По-видимому, здесь главным стало мое происхождение. Я из Еревана уехал учиться в Москву — как отличник, после окончания строительного техникума. Был направлен в МИСИ, но в этот институт не поступил, очень плохо говорил по-русски, а уж о том, чтобы сочинение написать о Борисе Годунове — такая тема была предложена на экзамене, — и думать было нечего. Долго жил на Курском вокзале, потихоньку осваивал близлежащие улицы — далеко отходить боялся. Наконец добрался до Библиотеки имени Ленина — здание тогда только начинали строить — и попросился в чернорабочие. Прораб увидел мой диплом, я рассказал ему свою историю, и меня взяли на стройку, поселили в общежитие.

Домой мне возвращаться было, собственно говоря, и некуда. Мама моя погибла во время армянского погрома, когда мне было шесть месяцев, да у нее и своих детей было трое. Так я и стал москвичом. Хотя связи с родиной не терял никогда — приезжал домой на каникулы, это когда уже учился в Институте землеустройства, и потом, когда стал артистом, — с концертными программами.

— Получается, что королей магии готовят в землеустроительных вузах?

— Нет, конечно. В институт я попал в общем-то случайно. Мне платили на стройке мало. И я стал подрабатывать преподаванием западноевропейских танцев — в Ереване я закончил хореографическую студию. Ходил по московским школам и вузам — предлагал свои услуги. Желающих научиться красиво танцевать тогда было много. Так и в Институте землеустройства пришел — как учитель танцев. А ректор мне в ответ на мое предложение организовать танцевальную студию посоветовал не танцуйками заниматься, а делом — учиться, мол, надо в твоём возрасте. Ну я рассказал ему мою историю, показал диплом, оценки, полученные на экзаменах в МИСИ, — я физику и математику успешно сдал, на сочинении споткнулся. И ректор Шаповалов принял меня в свой институт с этими оценками, за что я ему очень благодарен.

Так началась моя студенческая жизнь. А с ней и доступные студенту развлечения. Во время культпохода, на концерте я впервые увидел фокусника. Он меня поразила — загадочностью своего облика, фраком, цилиндром, необъяс-

нимостью трюков, от которых публика просто обмирала. И я погиб — мне обязательно надо было узнать, как творится магия. Выяснив, где будут следующие выступления этого артиста, я стал путешествовать за ним по Москве. Пробираясь за кулисы, меня гнали, один раз даже в милицию забрали — это когда я до черного ящика фокусника добрался и пытался в его конструкции разобраться. Но все-таки я сумел завоевать расположение артиста — таскал его реквизит после концертов, был самым благодарным и верным зрителем. И он объяснил мне какие-то азы своего искусства, ведь ни книг, ни учебников по искусству иллюзиониста тогда у меня не было.

— И с карьерой землеустроителя было покончено?

— Это произошло гораздо позже. Я продолжал учиться в институте, а все свободное время тренировал руки, осваивал фокусы. Сделал черный ящик, купил игрушки, которыми пытался манипулировать. Но получалось плохо, да и зрителей боялся до невозможности. У себя в институте выступать страшился, а показывать то, чему научился, очень хотелось. Поэтому стал ходить по школам — представлялся армянским артистом, предлагал выступления перед детьми. Первое время ничего не получалось — провал за провалом. А ведь я так старался, так много занимался! Но потом дело пошло. Я уже тогда понял, какой упорный труд нужен, чтобы овладеть самым нехитрым на первый взгляд трюком.

В 43-м году защитил диплом. К этому времени я уже часто выступал в концертах вместе с настоящими артистами. Меня стали включать в состав бригад, которые ездили на фронт. Так всю войну и проработал в Москонцерте. Памятью об этом времени стали медали "За оборону Москвы", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "За победу над Германией". Когда закончилась война, я уже был артистом со стажем и уже с каким-никаким именем.

— Тогда же вас и стали приглашать в Кремль?

— Да что вы, я уже говорил, что выступал перед Сталиным лишь однажды. В Кремль меня пригласили как уже известного иллюзиониста на ту первую сцену в Георгиевском зале, которую Хрущев устроил, открыв Кремль для детей. Никита Сергеевич сам был на этой елке и, видимо, запомнил мое выступление. Потому что потом не было случая, чтобы меня не включили в концерт, который правительство давало в честь каких-нибудь международных знаменитостей. Приходилось участвовать и в закрытых правительственных концертах — в Барвихе, в других местах, где отдыхали наши руководители.

Сейчас многие из участников тех концертов стараются отречься от того, чтобы их имена связывались с Хрущевым, с Брежневым. Рассказывают, как униженно они себя чувствовали на таких встречах. Я не могу вспомнить таких случаев. Ни меня, ни мою жену — она долгие годы работала вместе со мной, и нас всегда приглашали вместе — ни разу никто не обидел. Наоборот принимали очень хорошо. Неоднократно мы выступали вместе с Ириной Архиповой, с балетными парами — концертная программа всегда включала в себя несколько так называемых академических номеров и мое выступление, — и я не думаю, что для певцов и танцоров такое приглашение не было признанием их таланта и мастерства. Если кто-то и бывал бестактен, то только люди обслуги, так почему за их действия должны отвечать другие? Вот однажды за столом Никита Сергеевич после моего вы-

ступления поднял тост за "жулика международного масштаба Акопяна". Так это же шутка была — никаким жуликом он меня не считал, всегда с уважением расспрашивал о творческих планах, о детях. А пошутить любил. Например, однажды во время радиотрансляции о пребывании Хрущева в Закавказье мы услышали, как Никита Сергеевич, жуя регион за низкое поголовье овец, предложил руководителям Армении обратиться за помощью к Арутюну Акопяну — он, мол, мановением руки все исправит.

— А вам, Арутюн Амаякович, никогда не хотелось подшутить над своими высокопоставленными зрителями, во время выступления например?

— Да нет, зачем же? Я артист, я за рампой, и надо держать себя соответственно. Может быть, из-за этой моей позиции отношение ко мне как к артисту и как к человеку всегда было уважительным.

— А вы действительно всегда во время выступлений были за рампой?

— Нет, конечно. На таких концертах это не всегда возможно. Например, однажды я выступал во Дворце съездов, там на шестом этаже есть такой специальный банкетный зал, в котором принимали вы-

сокопоставленных гостей. Члены правительства сидели в первом ряду, совсем рядом. А у меня трюк был такой — сначала я держу листы бумаги, а потом они на глазах у публики превращаются в деньги. Так вот, только я начал работать, первый червонец из ладони высочил, а жена Брежнева меня за руку как схватила! И держит. Ну какой же фокусник со связанными руками? Пришлось просить свободы действий. А трюк Леониду Ильичу очень понравился, он даже Громыко сказал, что пошлет его ко мне на выучку, чтобы учился делать деньги.

— Ну и как, пришлось обучать Громыко?

— Да шутка это была. Брежнев вообще в быту был добрым и остроумным человеком. Малопривлекательной мумией его сделала болезнь. Вот тогда свита его и стала им манипулировать, подставлять нездорового человека, но виноват ли в этом сам Брежнев? Он просто был удобен своему окружению, вот им и пользовались. А фокусы, вообще цирк очень любил. Меня расспрашивал, в чем секрет фокуса, который его поразила в юности. Он пришел в цирк в новой кожаной кепке, а фокусник, выдвигая его среди публики, призвал на арену и, позаимст-

все же приберегли что-то себе?

— Конечно, новые свои трюки я не описываю. Но помню, как тяжело было начинать, как никто не хотел открывать своих секретов мне, чужаку, я решил, что их надо описать. А это очень трудно, трюки и балетные номера трудно поддаются описанию. Мы с Лидией Ивановной работали вдвоем. Моя жена до консерватории училась на факультете журналистики, поэтому навыки литературного труда имеет. Я раскладывал перед ней трюк, все объяснял, она записывала, потом мы пытались повторить трюк по описанию, переделывали его так, чтобы было понятно любому. Адский труд, но удовлетворение от него я получил немалое. У нас подобных книг совсем не было. Цирковые династии секреты свои хранили как зеницу ока, случалось, готовые номера продавали, но только за огромные деньги, а откуда они у начинающих?

— Кстати, о деньгах. Приносит ли ваше искусство вам достаток?

— Да, конечно. Раньше оплата труда была невысока. Приходилось много и трудно работать, иначе было бы не на что жить. Стоило уменьшить количество выступлений — и тут же это сказывалось на

НАШИ ПРАВИТЕЛИ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛИ ФОКУСЫ

вовав на время кепку, устроил приготовление в обновке блюда из опилок и разбитых яиц. А в завершение номера вернул совершенно чистую кепку и предложил попробовать аппетитно, скворчащую яичницу, которую извлек из той же самой кепки. Я объяснил, в чем секрет этого фокуса, и предложил Леониду Ильичу прочитать мою книжку об искусстве иллюзиониста.

— Ну и как, Леонид Ильич согласился?

— Да, попросил принести обязательно. Я и принес на Старую площадь. Долго меня пускать не хотели, целую историю можно об этом рассказать, но к Брежневу я все-таки попал и книгу вручил.

— Так что можно предположить, что в свободное время Леонид Ильич учился фокусам по вашим советам?

— Этого не знаю, сказать не могу. А вот что многие молодые артисты учились по моим книгам — точно. Я написал шесть книг, последняя вышла в прошлом году. В них раскрываются секреты всех моих фокусов.

— Как, совсем всех, и никаких тайн не осталось? Или вы

семье. Произошел однажды со мной курьезный случай. На одном из выступлений я ходил по залу, разговаривал с людьми и у кого-то часы незаметно с руки снимал, у кого-то записную книжку из кармана доставал. Потом вызывал их на сцену, возвращал изъятые под полный восторг зала. Но один из моих невольных ассистентов, вернувшись домой, обнаружил, что у него исчез партилет. И решил, что это я его вытащил и не вернул. Что тут началось! Меня вызывают в райком, требуют вернуть. А что возвращать? Я, конечно, ничего не брал! В Москонцерте отреагировали быстро — все мои концерты отменили, постоянно прорабатывают: отдай, что взял... Мне уже жить не на что, сбережений-то никаких. Потом выяснилось, что партилет дома лежал, завалялся за диван. Хорошо еще, человек вовремя опомнился, позвонил в Москонцерт, извинился. Ну да что там, дело прошлое! А сейчас платят вполне достойно — за один номер в концерте я получаю в десятки раз больше, чем прежде за сольный концерт. Наконец-то дожили мы все до времени, когда за свой труд получаешь столько, сколько он стоит. И без унижений можно пойти кутить то, что хочешь.

— А приходилось унижаться?

— Ну конечно. Неужели это приятно — ходить с черного хода по магазинам, просить продать то, это, а ведь ничего сверхъестественного не покупали.

— Значит, нынешней жизнью народный артист СССР Акопян доволен?

— Да, вполне. Готовлю новые номера, моих зрителей еще ждет много интересного. Выступаю в концертных программах. В прошлом году отметил пятидесятилетие своей творческой деятельности — двухчасовой программой на сцене Театра эстрады. Такую нагрузку не каждый молодой выдержит, а уж артистам моего жанра редко кому по плечу такое.

Дети выросли, внуки растут, любимая жена рядом со мной. Так что все хорошо!

С Арутюном АКОПЯНОМ
беседовала Ирина
ЛОБАЧЕВА.